ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ / DOMESTIC PHILOLOGY AND TEACHING METHODS

УДК 82.93
doi.org/10.36906/2500-1795/24-1/01

Безруков А.Н.

МОДУСЫ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОТКРЫТОСТИ ЛИРИКИ БОРИСА РЫЖЕГО

Аннотация. Конец XX века не так объемен на появление новых лиц, новых авторов. В прозе авторитетом пользуются постмодернисты, исчезает конструктивная отечественная проза, замещается литературный мир симулякрами, другой реальностью. Социальный фон не так активно вводится в ткань произведений, хотя маркерами эстетических изысканий остаются В. Аксёнов, А. Кабаков, В. Маканин, А. Слаповский. В драматургии также наблюдается кризис мыслей, идей. Выражается это не столько в отсутствии строгой концептуальности точки зрения, сколько в недостаточности взгляда. Тексты «новой драмы», а это О. Богаев, Е. Гремина, Д. Липскеров, О. Мухина, М. Угаров и другие, только формируют иной живой поток развития фабулы, работают над вероятной передачей нового жизненного фона. Примерно такая же ситуация наблюдается в поэзии. Однако неплохо разрабатывается формат рок-поэзии, читаются и удачно выстроены тексты А. Дементьева, Б. Кенжеева, Д. Новикова, О. Чухонцева и Бориса Рыжего. Лирика последнего и будет интересовать нас в рамках данной статьи. Цель работы заключается в вероятной аргументации тематической открытости лирики Бориса Рыжего. Формат его стихов имеет как классический, так и модернистский вид. Мир поэзии Бориса Рыжего сложен, многомерен, пространственные границы размыкаются за счет явной отсылки к текстам А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, Александра Блока, Иннокентия Анненского, Сергея Есенина, Георгия Иванова, Бориса Пастернака, Иосифа Бродского. При этом Б. Рыжий не столько копирует классиков, сколько учится у них явной открытости к читателю. Можно предположить, что модусами тематической открытости поэзии Бориса Рыжего является дискурсивный характер, модель интертекстуальной игры, переложение нарративного уровня, стилизация.

Ключевые слова: Борис Рыжий; тема; картина мира; лирика; автор; русская литература XX века; диалог; читатель; реципиент.

Сведения об авторе: Безруков Андрей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Уфимского университета науки и технологий (Бирский филиал).

Контактная информация: 452450, Россия, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10; тел.: 8(34784)4-04-70; e-mail: in_text@mail.ru

A.N. Bezrukov

MODES OF THEMATIC OPENNESS LYRICS BY BORIS RYZHY

Abstract. The end of the XX century is not so full of new faces and new authors. In prose, postmodernists enjoy authority, constructive domestic prose disappears, the literary world is replaced by simulacra, a different reality. The social background is not so actively introduced into the fabric of the works, although V. Aksenov, A. Kabakov, V. Makanin, A. Slapovsky remain markers of aesthetic research. In dramaturgy there is also a crisis of thoughts and ideas. This is expressed not so much in the absence of a strict conceptual point of view, but in the insufficiency of the view. The texts of the "new drama", and these are O. Bogaev, E. Gremina, D. Lipskerov, O. Mukhina, M. Ugarov and others, only form a different living flow of plot development, working on the probable transmission of a new life background. Approximately the same situation is observed in poetry. However, the format of rock poetry is being developed well, the texts of A. Dementiev, B. Kenzheev, D. Novikov, O. Chukhontsev and Boris Ryzhey are read and successfully structured. The lyrics of the latter will interest us within the framework of this article. The purpose of the work is to provide a probable argument for the thematic openness of Boris Ryzhiy's lyrics. The format of his poems has both a classical and modernist feel. The world of Boris Ryzhiy's poetry is complex, multidimensional, spatial boundaries are opened due to an explicit reference to the texts of A.S. Pushkina, F.I. Tyutcheva, A.A. Fet, Alexander Blok, Innokenty Annensky, Sergei Yesenin, Georgy Ivanov, Boris Pasternak, Joseph Brodsky. At the same time, B. Ryzhiy does not so much copy the classics as learn from them an obvious openness to the reader. It can be assumed that the modes of thematic openness of Boris Ryzhiy's poetry are discursive nature, a model of intertextual play, an arrangement of the narrative level, and stylization.

Key words: Boris Ryzhiy; subject; picture of the world; lyrics; author; Russian literature XX century; dialogue; reader; recipient.

About the author: Bezrukov Andrei Nikolaevich[1], Candidate of Philology, Associate Professor, Ufa University of Science and Technology (Branch in Birsk).

Contact information: 452450, Russia, Republic of Bashkortostan, Birsk, st.International, 10; tel .: 8 (34784) 4-04-70; e-mail: in_text@mail.ru

Безруков А.Н. Модусы тематической открытости лирики бориса рыжего // Нижневартовский филологический вестник. 2024. №1. С. 6-17. https://doi.org/10.36906/2500-1795/24-1/01

Bezrukov, A.N. (2024). Modes of Thematic Openness Lyrics by Boris Ryzhy. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (1), 6-17. (in Russian). https://doi.org/10.36906/2500-1795/24-1/01

Лирика Бориса Рыжего (Рыжий 2014) отличается от ряда других авторов конца XX века тем, что она максимально открыта для трактовок, интерпретаций, вариантов конструктивной рецепции. Не случаен выход сборников конференций касающихся поэтики Б. Рыжего, коллективных монографий (Борис Рыжий 2022), отдельных статей (Арсенова 2013; Быстров 2016; Глухова 2015; Даренский 2020; Жулькова 2020; Казарин 2015; Левицкая 2016; Семина 2017), авторских монографий (Казарин 2016) и даже фундаментальных трудов, например, в малой серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» (Фаликов 2015). Всё это говорит о потенциальной множественности тем и проблем, которые представлены в текстах поэта.

Для поэтических конструктов Бориса Рыжего характерна особая линия модусов, которые ориентированы на воссоздание как эстетической, так и смысловой объемности. Следовательно, изучение поэтики текстов указанного автора вполне закономерно. Новый виток анализа должен касаться, на наш взгляд, оценки авторского **художественного дискурса**, модели **интертекстуальной игры** в текстах Бориса Рыжего, анализа **переложений нарратива**, а также оценки роли **стилизации** как точечного принципа воссоздания диалога с литературной классикой. Цель данной работы заключается в представлении идейно-тематического спектра поэзии Бориса Рыжего, в вероятностной объективации магистралей поэтики его наследия, конкретизации проблемных зон, позиционировании достаточно широкого эмпирического базиса действительности, который является потенциально движущей силой формирования эстетического впечатления. В качестве методологии выбраны два основных пути – это рецептивная критика с учетом эмпирических знаний и принцип компаративизма, который позволяет объективнее определить многомерность художественного мира Бориса Рыжего.

Стоит отметить, что трагическая составляющая личного порядка в поэзии Бориса Рыжего отмечается достаточно часто. Однако, на наш взгляд, данный мотив имеет явный расширительный тон и распространяется на лирических героев его поэзии, множится, подчеркивая тем самым в целом трагедийное начало жизни. При этом наслаиваются в текстах Б. Рыжего следы и автобиографии, и типизации, и обобщения, и формирования т.н. концептосферы. Неустроенность мира, его несовершенство, пожалуй, основные факторы, которые и организует по-особому поэт в художественном пространствесвоей лирики.

Борис Рыжий умело выстраивает в общий связный блок культурные, языковые, социальные, стилевые и эстетические номинации. Не случайно базовый сборник стихов поэта открывается следующими строчками:

«Урал научил меня не понимать вещей
элементарных. Мой собеседник – бред.
С тополя обрываясь, листы – «ничей»,
«чей», «ничей», как ромашка, кончались – «нет» (Рыжий 2014: 7).

Стихи Бориса Рыжего, появившись на страницах толстых журналов, таких как «Уральский следопыт», «Звезда», «Урал», «Знамя», «Русский альманах» еще вначале 1990-х

годов привлекли внимание читателей, да и исследователей. Евгений Рейн манифестировал в свое время, что «Борис Рыжий был самым талантливым поэтом своего поколения». Это действительно так, ибо знаковаиего манера письма (Безруков 2016), и отрытый философский диалог, и определенный социальный манифест, и должный пиетет к классике, и некое эстетическое колебание между рядом онтологических крайностей. Все это, на наш взгляд, является показателем качества работы над словом, поэтическим оборотом, целым текстом. Это же формирует параметрический конгломерат тем лирики Бориса Рыжего. Сложная поэтика привлекает заинтересованных читателей, которые каждый сам для себя, индивидуально принимают сказанное автором.

Борис Рыжий в критике, научных изысканиях воссоздается как фигура совместившая, даже соединившая крайности, маркированные разными временными (Арсенова 2013) границами. В его текстах стягиваются в единый пласт поэтические наработки XIXвека, в большей степени второй половины, с акцентом на тексты Н.А. Некрасова, Ф.И. Тютчева и других с революционным изломомначала XX века (Владимир Маяковский, Александр Блок, Георгий Иванов). При этом не исключается из данной парадигмы и трагедия 1990-х годов, которая взрастила поэта как личность, определила важные моменты, сюжеты, тематические ходы которые необходимо переосмыслить. Тематическое многообразие лирики Б. Рыжего оформляется и особым строением его текстов. Следовательно, целесообразно рассматривать весь объем поэтического наследия Б. Рыжего в рамках модусов открытости, или приемах, которые художественный мир приводят в явное движение. Например, **вектор социальной исповедальности** героя дает возможность читателю не приблизиться к идеалу, что, вероятно, важно для поэтического текста, но увидеть спектр разности ситуаций, ассиметричных моделей поведения. Можем встретить это в следующих строках:

«Договоримся так: когда умру,
ты крест поставишь над моей могилой.
Пусть внешне будет он как все кресты,
но мы, дружище, будем знать с тобою,
что это – просто роспись. Как в бумаге
безграмотный свой оставляет след,
хочу я крест оставить в этом мире» (Рыжий 2014: 7).

Или: **ироническое начало,** которое в стихах Б. Рыжего не позволяет довести все происходящее – лирический нарратив – до максимума трагедийного и драматического.

«Я приду к тебе с пустым альбомом,
друг мой ласковый и нежный,
на исходе жизни и с наклоном
подпишу небрежно:
«Я дарю тебе свою единственную книгу
на оставшееся счастье» (Рыжий 2014: 10).

Или:

«Я так люблю иронию мою.
И жизнь воспринимаю как удачу –
в надежде на забвенье, словно чачу,
её хотя и морщуся, но пью» (Рыжий 2014: 142).

При этом традиция здесь также является базовой составляющей. Стоит вспомнить, стихи А.С. Пушкина, Александра Блока, Владимира Маяковского, Дмитрия Пригова, Иосифа Бродского, Игоря Иртеньева, Игоря Губермана. Особым образом звучит данный прием и у Бориса Рыжего, который реализует разность функционала этогоподхода.

Необычно выстроено у Бориса Рыжего **время** и **пространство**. Стоит признать, что это основные категории, которые работают в литературном произведении, но и здесь авторы обычно не так буквальны. Для поэзии эти категории еще более ценны. Как отмечает Т.А. Арсенова, «ключевым для лирической поэзии Рыжего становится мотив возвращения (в самом широком его понимании) – это и почти физически ощутимое возвращение героя в хронотоп прошлого со всей его материальной советской атрибутикой, и возвращение самого прошлого (связанное с индивидуальными особенностями психического переживания времени), и даже возможность возвращения из-за черты небытия, посмертного возвращения поэта» (Арсенова 2013: 15). Мысль имеет явно убедительный тон, **поэтика времени** индивидуальна, в этом, отметим, и неповторимость, и узнаваемость стиля Бориса Рыжего. Реальность, служащая основой для выстраивания условного мира, трансформируется, превращаясь, порой, в сложный, объемный горизонт. Например, встречаем это в стихотворении «Трубач и осень»:

«Полы шляпы висели, как уши слона.
А на небе горела луна.
На причале трубач нам с тобою играл –
словно хобот, трубу поднимал.
Я сказал: посмотри, как он низко берёт,
и из музыки город встаёт.
Арки, лестницы, лица, дома и мосты –
неужели не чувствуешь ты?» (Рыжий 2014: 11).

Организуя по-своему, индивидуально **художественное время** в стихах Б. Рыжего происходит и трансформация **пространства**, что вполне закономерно. Исследователи отмечают, что характерный для его лирики урбанистический топос, дополняется пейзажным дискурсом: «природные номинации в его художественном мире являются достаточно презентативными, в то же время в рамки пейзажа как описания или изображения природного мира в традиционном смысле не укладываются… Количественно природные номинации значительно превышают урбанистические, полагаем, что в серьезном осмыслении нуждается их корреляция» (Левицкая 2016: 57).Определенным подтверждением сказанному могут быть следующие строчки:

«Если жизнь нам дана для разлуки,
я хочу попрощаться с тобой
в этот вечер, под мрачные звуки
мутных волн, под осенней звездой» (Рыжий 2014: 13).

Или:

«Когда сырой поднимется туман,
мне кажется, мой город наконец
поднялся к небу – этакий обман –
где речь пойдёт о качестве сердец» (Рыжий 2014: 20).

Картина мира в поэтическом дискурсе (Безруков 2017) Бориса Рыжего, таким образом, имеет ярко выраженный открытый характер, следовательно, тематический грейд также спектрален. Кульминационные позиции маркируются поэтом в рамках сильных звеньев текста: это заголовок (как вариант), начало и финал. Причем **интертекстуальные** (Безруков 2014) составляющие верифицируют голос поэта, объективируют его стилевую манеру.

Для поэзии Бориса Рыжего формат текстовой связности играет особую роль. Линейное, или буквальное дублирование, но не копирование манеры Александра Блока, Вячеслава Иванова, Георгия Адамовича, Андрея Вознесенского, Иосифа Бродского и ряда других, ценно в режиме рецептивных переживаний. Читатель с подачи автора выстраивает свой диалог с классикой. Например, без буквальной отсылки к кому-либо, но в рамках литературных манифестов звучат следующие строки:

«Рекламный блеск, витрины, трубы, рвы.
–Так грустно, друг, так жутко, так буквально.
А вы? Чего от жизни ждёте вы?
– Печаль, мой друг, прекрасное – печально» (Рыжий 2014: 15).

Или:

«Жизнь художественна, смерть документальна
И математически верна,
конструктивна и монументальна,
зла, многоэтажна, холодна» (Рыжий 2014: 147).

Наличный языковой диалог, даже с некоей звуковой модуляцией, часто встречается в лирике Бориса Рыжего, и это, на наш взгляд, вновь примета стиля, в ряде случаев **стилизация**. Например, следующие строки ориентируют на разверстку диалога более сложного порядка – от А.С. Пушкина до Анны Ахматовой.

«Поездку в Царское Село
осуществить до боли просто:
таксист везёт за девяносто,
в салоне тихо и тепло.
«...Поедем в Царское Село?..» (Рыжий 2014: 66).

CC BY

Трогательный тон нарратива в связи со смертью И.А. Бродского Борис Рыжий передает следующими поэтическими вариациями:

«Дивным светом иных светил
озарённый, гляжу во мрак.
Знаешь, как я тебя любил,
заучил твои строки как…

Мне теперь не семнадцать лет,
и ослаб мой ребячий пыл.
Так шепчу через сотни лет:
«Знаешь, как я тебя любил» (Рыжий 2014: 47).

Можно предположить, что в данном случае даже легко узнается почерк самого Иосифа Бродского.Борис Рыжий использует векторный состав звуков как вариант стилизации. Но и при этом поэт самобытен, строг к себе, внимателен к читателю.

Поэтический слог Бориса Рыжего мягок, лаконичен, звуковые переходы зачастую маркируются тонко, без сложной, трудно произносимой паузы. Понимание звукового строя есть также особое дарование, это умение, может быть, получается, иногда натренировать, но не в случае с Борисом Рыжим. Для лирики Б. Рыжего свойственно явное чередование **символического**, знакового, **концептуального**с буквальным и номинативным. Встречаются в стихах замещения метафорического порядка, однако и здесь средство выразительности направлено на расширение проблемно-тематического спектр. Например, достаточно интересен план выражения в следующих строчках:

«Над домами, домами, домами
голубые висят облака –
вот они и останутся с нами
на века, на века, на века.

Только пар, только белое в синем
над громадами каменных плит...
Никогда, никогда мы не сгинем,
мы прочней и нежней, чем гранит» (Рыжий 2014: 76).

Или:

«Над головой облака Петербурга.
Вот эта улица, вот этот дом.
В пачке осталось четыре окурка –
видишь, мой друг, я большой эконом.

Что ж, закурю, подсчитаю устало:
сколько мы сделали, сколько нам лет?

Долго ещё нам идти вдоль канала,
жизни не хватит, вечности нет» (Рыжий 2014: 96).

Пространственные координаты лирики Б. Рыжего вмещают сложные культурологические единицы. В данном случае семантика вещи, детали, в целом города, редуплицируется, множится. Отсылки к литературным образцам прошлого являются только намеками, буквальная **цитация** используется не так часто. Авторский голос самодостаточен, сложен, индивидуален. Например, следующие строки содержат оборот подобных наблюдений:

«Поплывёшь, как франт, в костюме новом,
в бар войдёшь красивым и седым,
перекинешься с красоткой словом,
а на деле – вырвешься как дым» (Рыжий 2014: 147).

Или:

«Учил меня, учил, как сочинять
стихи, сначала было интересно,
потом наскучило, а он опять:
да ты дикарь, да ты пришёл из леса,
да ты, туда-сюда, спустился с гор.
Я рассердился: кончен разговор,
в речах твоих оттенок нарциссизма
мерещится мне с некоторых пор» (Рыжий 2014: 150).

Или:

«Я музу юную, бывало,
встречал в подлунной стороне.
Она на дудочке играла,
я слушал, стоя в стороне.

Но вдруг милашку окружали,
как я, такие же юнцы.
И, грянув хором, заглушали
мотив прелестный, подлецы» (Рыжий 2014: 207)

Дискурсивная практика письма Бориса Рыжего сводится к откровенно открытому диалогу, в котором автор чувствует себя спокойно и умиротворенно. При этом лирический текст по своей онтологической природе апеллирует и к явному неспокойному состоянию. Эмоциональный накал особенно обострен в поэзии. Без подобной разверстки чувств данный род литературы просто потерял бы самобытность и ценность. Не исключена тревожность в прозе, драматургии, но именно строго сформированный в языковом, ритмическом плане текст дает возможность полновесно пережить указанное.

Отметим, что мотив смерти у Бориса Рыжего частотен, порой даже навязчив, но и это вполне объяснимо. Лирический герой оказывается в ситуации т.н. смены – смены времен, эпох, да и собственных возрастных колебаний. Цели и задачи претерпевают изменения, неудачи стягивают в кольцо, порой, выход из которого найти не получается. Символична гибель Б. Рыжего, самоубийство это грех, который берет на себя сам человек, искупить же его не возможно. Поэт не может скрывать пророческих мыслей, они так или иначе проговариваются, читатель в свою очередь также понимает, что подобный исход неизбежен. Точка невозврата была сформулирована Борисом Рыжим практически в самом начале творческого пути: «Я вышел в улицу. И поздно // мне было жить для новых дней» (1993). Формула высказывалась и далее в текстах, но это было вероятностное преодоление страха перед фаталистическим исходом. Лирика Бориса Рыжего все же не так банальна, и не так буквальна. Манера лирической наррации его стихов предопределена элегически, даже если жанр текста не опредмечен буквально.

Поэтический мир поэта конца XX века знаменует собой острую боль, тяжесть утрат, некое неведение. Будущее в рамках этого мира, безусловно, есть, но его контуры деформированы социально-философской догматикой. Стоит сказать, что у Бориса Рыжего есть свой читатель, но тексты его универсальны. Тяга к постижению жизни, любование реальностью, наслаждение от нее, хоть и в трагических тонах – вот, пожалуй, что делает его лирику незабываемой.

Финально отметим, что диалог с классикой в лирике Бориса Рыжего имеет конструктивно деятельный тон. Это не буквальное копирование стиля того или иного автора, поэта, это серьезная работа для поддержания доверительной беседы. Языковая составляющая в данном случае играет особую роль. В поэзии только слово задаеттот импульс, который регулирует тематическую раскладку. Смысл в поэтических конструктах (Безруков 2019) формируется за счет соединения языковых оборотов, но организованных особым уникально-авторским способом.

Таким образом, рецепция художественных форм Бориса Рыжего показывает, что в них имеются очевидные приметы синтеза разных поэтических приемов. Для поэта слово действительно инструмент тонкий и сложный, важно, что поэт это понимает и ценит.В стихах Б. Рыжего игра с классикой реализована небуквально, фактическая связность нивелируется поэтом, процесс дублирования замещается сложной и качественной работой. Как в лирике XIXстолетия, так и в поэзии конца XXвека наблюдается вектор преемственности, фактор творческого уважения друг к другу. Исследователи отмечают, что Борис Рыжий стал последним советским (а значит образцовым) поэтом. Пристальное внимание в лирике Б. Рыжегонаправлено на сложный процесс социализации человека в непростом мире.Поэт не учит, но намекает, допускает вариант, одновременно говорит и о последствиях. Эстетические конструкты – поэзия в целом – способна это сделать, не является исключением, а наоборот подтверждает данный ориентир лирика Бориса Рыжего.

CC BY

ЛИТЕРАТУРА

Арсенова Т.А. Метаморфозы времени в лирическом сознании Бориса Рыжего // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 1-2. С. 15-18.

Безруков А.Н. Интертекстуальные вариации в границах постмодернистского письма // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. 2014. № 2(4). С. 129-134.

Безруков А.Н. Коммуникативные стратегии анализа художественного дискурса // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. 2017. № 2(13). С. 143-149.

Безруков А.Н. Поэтический стиль и художественный дискурс: проблема соотношений // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Международной научной конференции, Челябинск, 20–22 апреля 2016 года. Т. 2. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 169-172.

Безруков А.Н. Сюжетология поэтических конструктов // Studia Humanitatis. 2019. № 3. С. 24.

Борис Рыжий: исследования и материалы / Под ред. Н.Л. Быстрова и Т.А. Арсеновой. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2022.

Быстров Н.Л. Борис Рыжий и Иосиф Бродский: некоторые параллели // Борис Рыжий: поэтика и художественный мир: сборник статей и докладов. Екатеринбург: Фабрика комиксов (импринт «Кабинетный ученый»), 2016. С. 21-37.

Глухова Ю.О. Образ города в поэзии Бориса Рыжего // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2015. № 3. С. 29-32.

Даренский В.Ю. Мотив духовной «инициации» в поэзии Бориса Рыжего // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2020. Т. 30. № 2. С. 320-329. DOI 10.35634/2412-9534-2020-30-2-320-329

Дормидонтова О.В. «Потерянный» лирический герой эпохи 1980-90-х в поэзии Сергея Гандлевского, Дениса Новикова и Бориса Рыжего // Филология и культура. 2018. № 1(51). С. 181-186.

Жулькова К.А. О лирике Бориса Рыжего: Мотивы смерти // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2020. № 2. С. 165-170.

Казарин М.Ю., Казарин Ю.В. Феномен архитекстуальности и метасинонимии в поэтическом тексте (на материале стихотворений Бориса Рыжего) // Борис Рыжий: поэтика и художественный мир: сборник статей и докладов. Екатеринбург: Фабрика комиксов (импринт «Кабинетный ученый»), 2015. С. 159-170.

Казарин Ю.В. Поэт Борис Рыжий. 2-е издание, дополненное. Екатеринбург: Фабрика комиксов (импринт «Кабинетный ученый»), 2016.

Левицкая Н.Е. Функционирование пейзажного дискурса в лирике Бориса Рыжего // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2016. № 4(16). С. 53-67.

Лисецкий М.Л., Камнева Л.С. Социальная метафизика в поэтике Бориса Рыжего // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022. № 3(61). С. 74-82. DOI 10.24866/1997-2857/2022-3/74-82.

Пригарина Д., Корнилова Л. Стилистические особенности поэзии Бориса Рыжего // Язык. Культура. Медиакоммуникация. 2023. Т. 3. № 1. С. 122-126.

Рыжий Б. Стихи. 1993–2001. 2-е издание, исправленное. Издание составил и подготовил Г.Ф. Комаров. СПб.: Пушкинский фонд, 2014.

Семина А.А. Резонанс трагического звучания: поэзия Георгия Иванова и рецепции Бориса Рыжего // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2017. № 2. С. 71-79.

Фаликов И. Борис Рыжий. Москва: Молодая гвардия, 2015.

REFERENCES

Arsenova, T.A. (2013). Metamorfozy` vremeni v liricheskom soznanii Borisa Ry`zhego. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo.* № 1-2. S. 15-18.

Bezrukov, A.N. (2014). Intertekstual`ny`e variacii v graniczax postmodernistskogo pis`ma. *Vestnik Dimitrovgradskogo inzhenerno-texnologicheskogo instituta.* № 2(4). S. 129-134.

Bezrukov, A.N. (2017). Kommunikativny`e strategii analiza xudozhestvennogo diskursa. *Vestnik Dimitrovgradskogo inzhenerno-texnologicheskogo instituta.* № 2(13). S. 143-149.

Bezrukov, A.N. (2016). Poe`ticheskij stil` i xudozhestvenny`j diskurs: problema sootnoshenij. *Slovo, vy`skazy`vanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul`turologicheskom aspektax*: materialy` VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Chelyabinsk, 20–22 aprelya 2016 goda. T. 2. Chelyabinsk: E`nciklopediya. S. 169-172.

Bezrukov, A.N. (2019). Syuzhetologiya poe`ticheskix konstruktov. *Studia Humanitatis.* № 3. S. 24.

Boris Ry`zhij: issledovaniya i materialy` (2022). Pod red. N.L. By`strova i T.A. Arsenovoj. Moskva; Ekaterinburg: Kabinetny`j ucheny`j.

By`strov, N.L. (2016). Boris Ry`zhij i Iosif Brodskij: nekotory`e paralleli. *Boris Ry`zhij: poe`tika i xudozhestvenny`j mir:* sbornik statej i dokladov. Ekaterinburg: Fabrika komiksov (imprint «Kabinetny`j ucheny`j»). S. 21-37.

Gluxova, Yu.O. (2015). Obraz goroda v poe`zii Borisa Ry`zhego. *Novaya nauka: Teoreticheskij i prakticheskij vzglyad*. № 3. S. 29-32.

Darenskij, V.Yu. (2020). Motiv duxovnoj «iniciacii» v poe`zii Borisa Ry`zhego. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya.* T. 30. № 2. S. 320-329. DOI 10.35634/2412-9534-2020-30-2-320-329

Dormidontova, O.V. (2018). «Poteryanny`j» liricheskij geroj e`poxi 1980-90-x v poe`zii Sergeya Gandlevskogo, Denisa Novikova i Borisa Ry`zhego. *Filologiya i kul`tura.* № 1(51). S. 181-186.

Zhul`kova, K.A. (2020). O lirike Borisa Ry`zhego: Motivy` smerti. *Social`ny`e i gumanitarny`e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura.* Seriya 7: Literaturovedenie. № 2. S. 165-170.

Kazarin, M.Yu., & Kazarin ,Yu.V. (2015). Fenomen arxitekstual`nosti i metasinonimii v poe`ticheskom tekste (na materiale stixotvorenij Borisa Ry`zhego). *Boris Ry`zhij: poe`tika i xudozhestvenny`j mir:* sbornik statej i dokladov. Ekaterinburg: Fabrika komiksov (imprint «Kabinetny`j ucheny`j»). S. 159-170.

Kazarin, Yu.V. (2016). Poe`t Boris Ry`zhij. 2-e izdanie, dopolnennoe. Ekaterinburg: Fabrika komiksov (imprint «Kabinetny`j ucheny`j»).

Leviczkaya, N.E. (2016). Funkcionirovanie pejzazhnogo diskursa v lirike Borisa Ry`zhego. *Mirovaya literatura na perekrest`e kul`tur i civilizacij.* № 4(16). S. 53-67.

Liseczkij, M.L., & Kamneva, L.S. (2022). Social`naya metafizika v poe`tike Borisa Ry`zhego. *Gumanitarny`e issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal`nem Vostoke.* № 3(61). S. 74-82. DOI 10.24866/1997-2857/2022-3/74-82.

Prigarina D., & Kornilova L. (2023). Stilisticheskie osobennosti poe`zii Borisa Ry`zhego. *Yazy`k. Kul`tura. Mediakommunikaciya.* T. 3. № 1. S. 122-126.

Ry`zhij, B. (2014). Stixi. 1993–2001. 2-e izdanie, ispravlennoe. Izdanie sostavil i podgotovil G.F. Komarov. SPb.: Pushkinskij fond.

Semina, A.A. (2017). Rezonans tragicheskogo zvuchaniya: poe`ziya Georgiya Ivanova i recepcii Borisa Ry`zhego. *Vestnik Baltijskogo federal`nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psixologiya.* № 2. S. 71-79.

Falikov, I. (2015). Boris Ry`zhij. Moskva: Molodaya gvardiya.

© Безруков А.Н., 2024